

Мальчи́ка не было

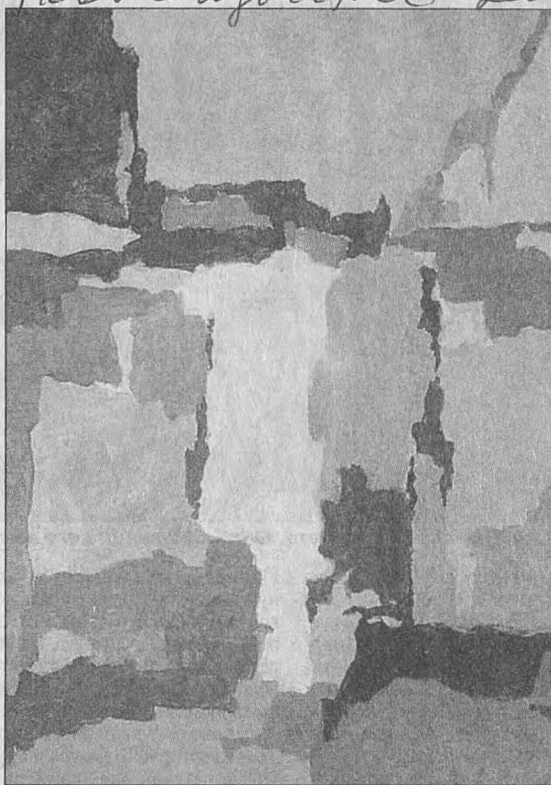
Две выставки в ЦДХ отсылают к легендарным 60-м годам прошлого века

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Вообще-то в доме на Крымской всегда царит изобилие; что-нибудь из вещей сорокалетней давности отыщется и в других экспозициях, но за «легендарностью» следует приходить на «Окно в шестидесятые» и на персоналку Игоря Вулоха.

Сразу отметим, что авторам первого проекта уже существующей мифологии, связанной с именами Ильи Кабакова, Виктора Пивоварова и ряда их коллег-современников, показалось мало. Для вящего погружения в атмосферу свободного мыслящего шестидесятилетия (а заодно и семидесятилетия — зачем же месту пропадать?) когорту реальных авторов пополнил эдакий «поручик Киж», то бишь мальчик Гугуцэ — персонаж популярной некогда книжки для малышей, проиллюстрированной Кабаковым. Будто бы и впрямь у дедушки-молдаванина, служившего сторожем в издательстве «Детская литература», был внук под этим именем, периодически наезжавший к старику на каникулы. И что якобы, пока сторож помогал художникам упомянутого издательства справляться с важной частью их профессиональных обязанностей, а именно со злостным употреблением алкоголя, непоседливый мальчуган прикладывал руку непосредственно к произведениям искусства.

В результате незатейливой придумки под некоторыми работами кисти «как бы» Анатолия Зверева и Владимира Яковлева появились этикетки, утверждающие авторство Гугуцэ. Таким изыскным, по их мнению, способ организации отнесли-завуалировали тот прискорбный факт, что ни Зверев, ни Яковлев к этим картинкам отношения не имели. Возможно, сей экспозиционный капустник подраумевал и нечто более глубокомысленное: рассказывают, что авторство Гугуцэ заверено экспертами из Третьяковской галереи и что в такой легкомысленной форме затронута острейшая проблема подлинности / фальсификации. Следуя правилам игры, зрителям полагалось бы пристально всматриваться в размашистые композиции, гадая, продукты ли это намеренной

Композиция Игоря Вулоха.

мистификации или своевременно выявленные «фальшаки». Самые впечатлительные могут неделю-другую помучить знакомых версиями; большего резонанса от акции ожидать не стоит.

Если исходить из предположения, что именем Гугуцэ розыгрыш ограничивается, то есть верить этикеткам с фамилиями «Краснопевцев», «Немухин» или даже «Зверев» и «Яковлев», то выставка получается довольно представительной. Впрочем, раскладывать ее на сюрреализм, протоконцептуализм и поп-арт с метафизикой — занятие для одержимых, поскольку набор вещей почти случаен и искусствоведческих конструкций не поддерживает.

Перед нами произвольное собрание разноманастного советского андерграунда, от Тышлера до Шемякина, с бантиком в виде кураторской веселости. Уж в чем не возникает никаких сомнений, так это в принадлежности советской эпохе рукописных лозунгов наподобие «Мороз и солнце, в кибуце два японца», а также в подлинности макулатурных связей «Иностранной литературы» и «Америки» (публиковавшимся в них репродукциям «второй русский авангард» обязан многими своими достижениями).

К тем же кругам и временам уходит корнями выставка «Игорь Вулох. 1965 — 2002». Отдельные ее экспонаты вполне могли бы мелькнуть и в отрешенном выше «Окне в шестидесятые», но персональный показ задает иную тональность. Ни в самой вуловской живописи, ни в том, как она подана, нет и намек на иронию и социальность. Принадлежность художника к андерграунду выдает только абстрактная манера: в прежние годы предлагать ее официальным выставкам было не только бессмысленно, но и небезопасно. Нынче — совершенно безопасно, но тоже бессмысленно, если речь не идет о какой-нибудь развернутой ретроспективе.

Заслуживает уважения упорство, с каким Вулох больше тридцати лет, невзирая на конъюнктуру, кропает свои медитативные беспредметные «пейзажи», «интерьеры» и «натюрморты». Кавычки здесь все-таки неизбежны: в этих работах есть многие свойства реальности, нет лишь иллюзорной узнаваемости — свойства изображения, ценимого не по заслугам. В этом Игорь Вулох уверен, и потому не считает нужным акцентировать внимание на ветках деревьев или ножках табуретки, беря в расчет прежде всего «конструкцию» каждого мотива. Можно сказать, красоту природы как таковую. Вот уж случай, когда сочувствие дается как благодать: выставка примет не любого зрителя, и вовсе не обязательно эрудированного. Тому же, кого примет, гордиться особенно нечего — значит, такой тип восприятия, но стоит запомнить это свое ощущение. Оно точно из области эстетического.